



Василий Семенович Андреев родился в 1952 году в хуторе Поляна Семилукского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Служил в ВМФ. Работал в районных газетах Воронежской области, заместителем редактора газеты «Молодой коммунар», инструктором обкома КПСС. Трудился в газете «Правда», был собкором «Российской газеты», «Независимой газеты», журнала «Российская Федерация сегодня» и газеты «Коммуна» в Вене, руководителем пресс-службы Государственной Думы РФ. Имеет государственные награды. Живет в Москве.

«ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ! ЭТО И БЫЛО СМЫСЛОМ НАШЕЙ ЖИЗНИ...»

Интервью публициста Василия АНДРЕЕВА с легендарным советским разведчиком, чекистом Павлом СУДОПЛАТОВЫМ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Это интервью было записано мною на диктофон 4 февраля 1993 года в московском районе Останкино в квартире легендарного советского разведчика Павла Анатольевича Судоплатова. Оно не было опубликовано в те дни лишь по политическим причинам, о которых скажу чуть ниже. Тот рассказ, что я записал на пленку, был тогда своего рода первым публичным откровением знаменитого разведчика.

Хотя Судоплатов, как я понимаю, кое-что уже смог опубликовать, например, в сборниках воспоминаний «Динамовцы в боях за Родину», где выступал в качестве составителя.

Но в феврале 1993-го то, о чем он мне рассказывал, легко ложилось под рубрику «Совершенно секретно».

Как я попал к Судоплатову?

Рождение журналистских материалов нередко зависит от случайностей. Так и здесь. В начале 1993 года в редакцию газеты «Правда», где я тогда работал, позвонил читатель:

— Это подписчик «Правды» с 1924 года. Но мне почему-то не доставили несколько номеров...

К подписчикам в нашей газете всегда относились с искренним уважением. Но были уже

другие времена, и, наверно, можно было бы мне, редактору отдела, и без того имевшему кучу неотложных рабочих обязанностей, отмахнуться от этого звонка. Дескать, не наше это дело, звоните в отдел подписки. А еще лучше было бы сослаться на недоработку почты. Но! Отказать подписчику с таким стажем я посчитал неприличным. Договорились, что как только в редакции найдут недостающие экземпляры газеты, я их привезу сам. Когда уточнял адрес ветерана, спросил фамилию.

Как?! Сам Судоплатов?!

Лучшего подарка судьбы для журналиста и быть не могло.

(Теперь-то я со стопроцентной уверенностью могу сказать, что звонок в «Правду» не был случайностью для такого мэтра разведки... И я благодарен судьбе, что принял участие и «подыграл», сам тогда не ведая, в его активной операции — он имел на то право, даже не принимая во внимание незаслуженное обвинение. Время было такое, говорил он...)

Фамилия Судоплатова в начале 90-х, «благодаря» в том числе и откровенным предателям из «органов», стала появляться в «демократических» изданиях как символ жестокости и репрессий НКВД. А «демпресса» просто сочлилась злым ядом на тех, кто когда-то защищал Родину. Во внимание не принимались ни военные условия, ни мировая обстановка... Ну, так это и сейчас слышно: «Если бы мы сдались немцам, то пили бы хорошее пиво...». Тем не менее, что бы ни говорили сегодня в недрах той профессии, их вклад в победу над фашизмом пока так и остается недооцененным...

...Мы разговаривали в небольшой комнатке со стеллажами книг у окна, выходящего в тихий останкинский двор. И я, тогда 40-летний редактор отдела новостей газеты «Правда», с нескрываемым интересом и восхищением слушал хриловатый голос легенды советской разведки Павла Анатольевича Судоплатова.

Время от времени к нам заходил его сын Анатолий Павлович (ныне, к сожалению, тоже покойный) и интересовался, мол, не нужно ли чего вам, например, чаю, и справлялся о самочувствии отца. А его немолодой отец (П.А. Судоплатову тогда было уже 86) рассказывал и рассказывал мне о своей некогда секретнейшей работе. И совсем немного о себе.

Впрочем, секреты своей службы он тщательно соблюдал и выверял каждое предложение: «Так, про это можно уже? А про это?.. Нет, еще не время...»

Павел Анатольевич, верный воспитанник советского ЧК, даже иногда советовался со своим ученым сыном Анатолием (он у него — историк спецслужб): можно и нужно ли сейчас говорить об этом? Анатолий Павлович, понимая отца и то, как ему важно выговориться, замечал изредка: «Па-а-п, да какие это теперь секреты».

В стране был тогда разгул «демократии». Все советское отрицалось как «не имеющее общечеловеческой ценности». История государства извращалась как кому вздумается. Хотя на самом деле умным людям было понятно, кому это там «вздумалось». Но кто нас тогда слышал.

Практически ежедневно в газетах печатались «разоблачающие» статьи, одна хлеще другой. Жизнь в Советском Союзе рисовалась так, что я и сам-то иногда удивлялся: Боже, как же я выжил-то в детстве в воронежском колхозном хуторе?! Как я с голоду не помер в «тяжелые 60-е»: картошка на сале, яйца и молоко, моченые яблоки, соленые огурцы и помидоры, не говоря уж о кадке капусты, были в нашем рационе всю зиму, а летом огурцы, помидоры, картошка, опять же сало попеременно с курятиной-индюшатиной...

...В политической атмосфере Москвы уже заметно поухаживало опасным октябрем 1993-го. Газета «Правда» и еще нескольких изданий, в первую очередь, конечно, «Советская Россия», тщетно бились против огульного очернения советского периода в истории страны. Мы писали правду о происходящих в государстве процессах и задавали «демократическим» властям острые вопросы. Властям это ой как не нравилось.

«Правда» пережила несколько закрытий.

Отношение к нашей газете день за днем только ухудшалось. Нашим оппонентам тогда казалось, что стоит еще только вот эту «Правду» добить — и тогда заживем! Кто заживет — не было понятно. Но им казалось, что все, а уж они-то — в первую очередь. Теперь, правда, некоторые стыдливо признают, ну да, мол, слегка облажались.

А власть, в лице министра (как говорят в Одессе: «Ой, ви таки будете смеяться» — бывшего правдиста!) Михаила Полторанина, удивительнейшим образом впоследствии ставшего ярым «разоблачителем» Ельцина, продолжала давить «Правду». На все серьезные публикации об экономике или политике у них практически всегда находились «демократические» отговорки-отписки. А на нас, «правдистов», легко навешивались ярлыки — «красно-коричневые», «коммунопатриоты» и т.д. Главный редактор «Правды» Геннадий Селезнев (к сожалению, в 2015 году ушедший в мир иной) ежедневно пытался добыть для выпуска газеты деньги и бумагу и, как мог, отбивался от нападков.

Моя эмоциональная заявка на публикацию интервью с Судоплатовым ему показалась интересной. Но...

— Понимаешь, — сказал он мне наедине, — сейчас такое время. Тут нас и так за все бьют, а это интервью будет как красная тряпка для быка... Давай повременим.

И мы «повременили».

Потом предоктябрьские и октябрьские события затмили своей чудовищной реальностью интервью с рассказом легендарного разведчика о Великой Отечественной войне.

Да много чего произошло в те времена.

И много лет меня мучила журналистская совесть.

Сегодня то давнее интервью публикуется впервые.

* * *

Итак, перенесемся на 30 лет назад.

— Павел Анатольевич, — попросил я, — Пожалуйста, давайте начнем разговор вот с какого момента. Как же вы, с вашим-то послужным списком, да еще в 1953-м году, как говорится, «под монастырь» загремели? Ведь время репрессий вроде бы прошло?

— Под монастырь?.. Монастырь... Нет, это не совсем так: «Монастырь» — это название одной из секретнейших операций НКВД в годы войны. Да. С начала войны меня на «Монастырь» бросили, а уж много позже я сам попал «под монастырь». Вина моя в чем была? В недонесении. Был тогда такой вид преступления. Дело в том, что Берия при мне не раз ругал Сталина. А я никому не доложил об этом. Вот за это и получил 15 лет. И, знаете, я их «от звонка и до звонка» отрубил.

Нет, ну что рассказывать, как оно там было. По-всякому. Тюрьма же.

Хотя я и в тюрьме работал на укрепление обороны страны. В тюрьме и пришла нам в головы с Эйтингоном (это был мой заместитель и сокамерник) идея создания групп «Альфа» и «Бета».

Тогда на самом верху рассматривали наши предложения! Прямо из Бутырки



Павел Анатольевич
Судоплатов

привозили нас на доклад! Слушали внимательно, очень внимательно. И идею одобрили. А нас — снова в камеру.

— **И что, никакой скидки вам не сделали?!**

— Почему же?! Мы с Эйтинггоном получили премию. По два кило сахара. *(Смеется.)* Правда, в сталинские времена за такие вещи освобождали, а тут... *(Задумался.)* Чувствуется, некоторая недосказанность. Но потом поспешно добавляет):

Но я ни на кого не обижаюсь! *(Вздыхнул.)* Время было такое! Да, я много чего успел в тюрьме. Не могу, конечно, всего рассказывать. Но, может, потому и жив остался, что следов-то много в уголовном деле оставил...

А вот сейчас давайте расскажу вам про «Монастырь». Вы мне напомнили.

Знаете, очень захотелось заочно ответить моему давнему врагу Рихарду Гелену, руководителю фашистской разведки. И миф его развеять! Он же в своей книге, вышедшей в 1972 году в Америке, хвастливо утверждает, что его ведомство имело в годы войны высокопоставленного источника в Генеральном штабе Красной Армии.

Ну, тогда, в 72-м, я не мог ему ответить — не положено было. А теперь, за давностью лет, впервые откровенно говорю: «источником» Гелена в Генштабе Красной Армии в определенной степени был и я, и мои коллеги, и наш разведчик А.П. под псевдонимом «Гейне». Фашисты тогда его называли «Максом». Но имя его я пока не вправе разглашать. Сам он умер в 1976 году, но в Москве живет его жена, известный в мире киноискусства человек. Так что это не только моя тайна.

— **То есть вы сейчас откровенно признаете, что НКВД подбрасывало фашистской разведке дезинформацию?!**

— Да, молодой человек! Несмотря на «общечеловеческие ценности», как сейчас пишут, мы всю войну успешно дурили немцев. Начиная с осени 1941-го по апрель 1945-го. Тогда, в 45-м, мы получили из Берлина радиограмму о капитуляции, со словами благодарности и упованием на Господа Бога. Эту радиограмму можно считать завершением нашей операции «Монастырь», впоследствии переименованной в «Березино».

— **С чего она начиналась?**

— Осень 1941 года. Враг под Москвой. О сдаче столицы речи не было, но органы не исключали и такой вариант. И мы прорабатывали не один способ борьбы с немцами. Одним из них и стала операция «Монастырь».

Итак, про А.П. Кто он такой? Молодой человек из богемной молодежи. Водил дружбу с крупным советским композитором, с сыновьями известного актера. Сам из семьи военных. Отец его был офицером царской армии, скончался от ранений в

Первую мировую войну. Его мать окончила Бестужевские курсы. Вхожа была в дома Петроградской знати. Дядя — контрразведчик Белой армии, скончался от тифа в плену у красных по пути в Сибирь. Прапрадед — один из организаторов Кубанского казачества. Он даже бывал на приеме у Екатерины Второй и с ее соизволения основал казачью станицу на Кубани. Ему и памятник стоит в той станице.

— **А что это за станица, как она называется?**

— Не помню... *(Лукаво улыбается, дескать, «кого ты, мальчишка, ловишь на слове?» и продолжает)*:

А.П. был очень талантлив в области техники, он даже сам сконструировал очень оригинальный радиопередатчик. А в поле нашего зрения он попал совершенно случайно. Это, молодой человек, называется: оперативная удача. *(И так хитро щурит глаза)*. Да! На него написал донос его друг, некто Карновский. Он сообщил, что А.П. хранит у себя дома оружие, чтобы, естественно, потом «вернуть его против Советской власти». Реакция наших органов была совершенно адекватной по тем временам. Обыск, арест. И у А.П. действительно нашли пистолет. Правда, в ходе следствия выяснилось, что пистолет ему подбросил его «друг». Мотивы уж не помню, но, думаю, что это было что-то личное.

Чекисты разобрались и освободили А.П. из-под стражи. Он потом работал киномехаником в Питере, Москве.

Скажите, преувеличиваю? Ничего подобного!

Но, конечно, чекисты запомнили этого молодого человека из хорошей семьи и с хорошими умственными способностями. А по-иному и быть не могло! Тогда. А может, и сейчас...

И вот, когда пришло время, сотрудники НКВД вышли на А.П., поговорили с ним и поняли, что такой кадр, как говорится, нам нужен. А.П., несмотря на его «непролетарское происхождение», оказался настоящим патриотом страны. И тогда его начали готовить к диверсионной работе в тылу у немцев — на случай прорыва обороны Москвы. А когда надобность в этом отпала, его решили использовать в контрразведывательных целях.

Мы как думали-то? Умный человек с такой биографией, обиженный Советами, обладающий связями в интеллектуальных кругах Москвы, тем более, наделенный определенными способностями, должен был заинтересовать немцев. Так пришла идея «слепить» из него перебежчика. Доложили Берии, тот утвердил операцию. И после тщательной подготовки, еще в сентябре 1941-го (!), был переброшен за линию фронта. Так А.П. стал «Гейне».

Он был на связи у 3-го Главного управления (секретно-политическое управление). И, заметьте, им занимались начальник управления Горлинский и я как начальник Особой группы НКВД. С ним работали опытные разведчики: помощник начальника отдела Виктор Николаевич Ильин, подполковник Маклярский. Кстати, вот он-то и предложил забросить А.П. к немцам.

— **И как его встретили немцы?**

— Ну как... Как тогда встречали перебежчиков? Неласково, конечно. Вначале его рассматривали как агента НКВД.

— **Что называется, не без оснований.**

— Да ну, какие у них были основания?! Они тогда со всеми так поступали. Да и мы тоже! Его очень долго и грубо допрашивали. Кажется, все уже проверили-перепроверили, но устроили ему «расстрел».

— **А к расстрелу вы его готовили?**

— Нет, расстрел мы как-то не проигрывали. Но наш «Гейне» выдержал! Как потом он сам вспоминал и утверждал, что его, по-видимому, спас крестик, повешенный ему на шею его тестем — известным в Москве доктором. Может быть... Может быть...

А после «расстрела» фашисты устроили ему хороший ужин, пили, ели, много шутили. Они ж такие «затейники» были. С русскими-то «недотепами иванами» им, казалось, все легко давалось.

После этой «шутки» перед «Гейне» деланно извинились и направили его в немецкую разведшколу. Там, понятное дело, опять проверки, муштра. Потом опять проверки, подсадки. Но самое трудное для него было, по его признанию, изображать из себя неумеху, он придумывал сам себе нелепые ошибки, которые ему потом исправляли опытные радиоинструкторы. Кстати, у нас есть его записи, где он все подробно изложил. Потом немцы перебросили его через линию фронта. Под Ярославлем выбросили на парашютах.

И вот А.П. в Москве. Как мы его здесь ждали — не надо объяснять! Нам же важно было узнать, как его приняли, как пытали, что спрашивали, как он отвечал. Понятно, что мы ему доверяли. Но... Опять разговоры, вопросы, сомнения, сопоставления. Война шла!

Недели две он безвылазно сидел дома, отписывался. Правда, это нам было на руку, потому что на случай проверки немцами он должен был долго отсутствовать. Ну, когда-то «простой шпион» из-под Ярославля до Москвы доберется...

Немцы ему дали задание: фашисты принимать в Москве диверсантов.

— ???

— Ну как же, он ведь им засветил очень интересные адреса. Например, адрес своего тестя, известного в Москве доктора, получившего образование в Германии, владевшего немецким языком. Тот в центре столицы имел частную практику, правда, неофициальную. Вы должны знать, что в то время в Советском Союзе это не поощрялось. Но такая практика была.

И вот с его «хозяевами» из Абвера было условлено, что они посылают своих людей на прием к известному доктору. Те, довольно крепкие мужики, сообщают ему пароль, а уж потом доктор отправляет этих «болезных» к А.П.

— Ну, согласитесь, не так уж сложная схема. Мы в разных фильмах это видели.

— Правильно. Это же естественная для тех лет практика. Кстати, на операцию «Березино», ранее я ее называл «Монастырь», выезжали Маклярский и Эйтингон. Помните фильм «Подвиг разведчика»? Сценаристом там и был Маклярский!

Самое трудное было для нас, для А.П. и для его жены — обезвредить диверсантов. Я ведь на какое-то время оставляли их на воле, дабы создать правдоподобие. Я настаивал на этом перед руководством. Но ведь все понимали, что у них — оружие, взрывчатка и даже яды.

И я тогда получил грозное предупреждение от Берии, и в случае чего моя голова вряд ли бы уцелела. Но по молодости лет о голове своей я как-то и не думал.

Тогда, принимая их на квартире А.П., мы их... попросту спаивали. Пока они были в отключке, мы приводили в негодность их оружие, обезвреживали взрывчатку, а яды подменяли... зубным порошком.

О-о-о, через эту квартиру в центре Москвы прошло более полусотни диверсантов!

— Ну не только же этим «Гейне» занимался? Можете рассказать?

— Конечно, не только этим. У «Гейне» был довольно высокий статус. Он даже дважды ходил через линию фронта к немцам. Для чего? Для закрепления легенды и поднятия авторитета. Он ведь представлял перед ними монархическую организацию «Престол» (вот откуда и название операции — «Монастырь»). А «руководил» «Престолом», по нашей легенде, бывший предводитель Нижегородского дворянства. Правда, тот глубокий старик об этом ничего и знать не знал, да и не узнал вовсе, на свое счастье. Он в то время сам находился на содержании у нищенка Новодевичьего монастыря.

По главным в работе «Гейне» была дезинформация. Ее-то мы тщательнейшим образом и готовили вместе с Разведуправлением Генштаба, которое возглавлял тогда генерал-полковник Кузнецов. Как хвастливо написал в своей книге Гелен, мол, агент «Гейне» передал им несколько тысяч сводок. В том числе в период Сталинградской битвы, Курской дуги.

Я рад за него!!! *(П.А. заразительно и ехидно смеется).*

Значит, мы не зря корпели над радиogramмами «Гейне», выверяя каждое слово, сопоставляя десятки вводных и сводок с фронтов. Это ж вам не пустышку вбросить дилетантам. Мы профессионалам эту информацию подавали! И они ее заглазывали! *(П.А. вновь искренне и заразительно смеется и потирает руки, как опытный картежник).*

Есть очень любопытные вещи. Например, немцы прозевали, что мы построили железнодорожную ветку вдоль Волги к Сталинграду (это знаменитая Волжская рокада. — В.А.). Они также не знали, что была построена еще и ветка к Махачкале вокруг Каспийского моря и Астрахани.

— Когда узнаешь об уверенности Гелена в том, что у него был источник в Генштабе, возникает вопрос, а каким образом наш «Гейне» (для них «Макс»), легендировал появление у него стратегической информации? И разве такое количество «дезы» ни разу не вызвало у немцев подозрений?

— Что вы! Еще как сомневались! И очень много было у них споров в их Генштабе вокруг его информации!

Но, понимаете, мы гнали немцам не только чистый вымысел. В него вкраплялась и правдивая информация. Иначе нам бы никто не поверил! Например, операция подо Ржевом носила чисто отвлекающий характер и по приказу Сталина и Жукова была заранее объявлена немцам.

Конечно, в случае неудачи нам бы не сносить головы. Но в то время мы об этом как-то не думали. Все для фронта! Все для победы! Это был смысл нашей жизни.

А про домыслы Гелена... Ему же «Макс» не называл свои источники в радиogramмах — это всегда и всеми было запрещено. Радио-то и перехватить можно было.

Отвлекусь. Здесь надо заметить, что в системе Генштаба в то время было два разведцентра, так же, как и в НКВД. У нас был Иностранный отдел, который возглавлялся в разное время такими известными людьми как Артузов, Слуцкий, как Шпигельглас — изумительный, блистательный разведчик. Он блестяще знал Западную Европу, Дальний Восток. Он же и был расстрелян ни за что, ни про что...

Второй разведцентр назывался «Группа Яши». Даже я, в первое время оперуполномоченный ИНО (Иностранного отдела. — В.А.), не знал о существовании этого центра. А возглавлял его Яков Серебрянский, чрезвычайно опытный разведчик, создавший крупную разведсеть во Франции, Германии, Скандинавии.

Э-эх, но мы все это растеряли! Оба эти разведцентра были разгромлены! Всех до единого сотрудников Серебрянского расстреляли в годы репрессий. А сам Серебрянский уцелел просто чудом — задержалось исполнение приговора.

Как передали потом мне, это случилось вот так. Началась война, и однажды Сталин спросил Берия:

— А где Серебрянский?

— Сидит в тюрьме и ждет расстрела, товарищ Сталин, — бодро доложил Берия.

— Что за чушь! — поморщился Сталин.

Этого хватило, чтобы Берия вернулся в Наркомат и незамедлительно отдал приказ освободить Серебрянского. А мне было приказано забрать его к себе в Особую группу.

— Поясните, в чем заключалась ее задача?

— Подготовкой разведывательно-диверсионной работы против тех стран, которые вздумают воевать с СССР.

— Сейчас пишут, что группа Серебрянского занималась террором? Дескать, вот какие жестокие.

— Нет, не только террором. Она готовила людей для диверсионных операций. Скажем, под обстрел было взято такое предприятие в Германии, как «Лейнаверке» и многие другие, очень важные для немцев предприятия.

Когда началась война, занялись воссозданием Особой группы как продолжения деятельности группы Серебрянского. И сделали мы это успешно. В годы войны с нами работало свыше 10 тысяч человек. Некоторые из наших сотрудников получили широкую известность. 22 стали Героями Советского Союза: Медведев, Кузнецов, Ваупшасов, Шихов... Хотя половина из них еще никому не известна.

Особая группа претерпела в годы войны несколько реорганизаций. В декабре 1941 года она была преобразована во 2-й отдел НКВД, в начале 1942 года — в 4-е управление НКВД.

— На фронте разведывательная информация нередко становилась ценнее снарядов.

— Да. Сколько жизней мы спасли под Сталинградом, под Курском... — трудно сказать теперь. А ведь все донесения агента «Макса», которому немцы доверяли, использовались ими при принятии решений. О-о-о, это была отлично изготовленная нами дезинформация!

Следует заметить, что своей радиойгрой мы отвлекли на себя целое направление противника. Думаю, что счет там шел на сотни человек. Добраться бы до их архивов... Хотя, думаю, они сейчас у американцев.

— Павел Анатольевич, вы говорили, что Рихард Гелен в своих мемуарах записал себе в актив операцию «Цитадель».

— Это так. Правда, его потом даже американцы опровергали. Они, как я понимаю, не знали тогда об этом достоверно. Потом перебежчики с нашей стороны, к сожалению, сообщили им некоторые сведения. А уж сопоставить все было делом техники. Разведывательной. И такое бывает в нашей работе.

Немцы наградили своего «Макса» (нашего «Гейне») медалью. Потом он им подал нашу идею о необходимости оказания срочной помощи для якобы немецкой воинской части численностью примерно 2500 человек. Эта часть, как уверял немцев «Макс», героически сражалась в окружении в районе реки Березины и вела большую диверсионную работу. А командовал той героической частью, по данным «Макса», не менее героический подполковник Шернхорн. Да, этот человек действительно был, но он сидел в нашем плену. У реки Березины когда-то действительно стояла часть, которая охраняла переправу, но она была нами наголову разбита, а подполковник Шернхорн был взят в плен. Но «Макс» так правдоподобно рассказал о якобы действующей воинской части немцам, что они в это безоговорочно поверили.

Они потом сбрасывали «окруженцам» в район Березины оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование, медикаменты. А подбирали все это добро наши. Мало того! Мы принимали проверяющих из Берлина, щедро их угощали и отправляли обратно. Правда, человек пятьсот немцев остались у нас в плену.

А как вы хотели?! «Героям-окруженцам» требовалось ведь свежее «подкрепление». А лагерных коек у нас тогда на них хватало... На войне как на войне!

— А кто же играл роли немцев?

— Да у нас были и настоящие немцы! Из сочувствующих нам немецких коммунистов, из военнопленных. И потом, у нас не было необходимости держать там для проверяющих 2500 человек. А несколько сот красноармейцев хорошо играли свои роли.

Была у нас и особая группа радистов, которая вступала в игру с вновь прибывшими радистами.

Кстати, подполковник Шернхорн за «заслуги» пребывания в нашем плену приказом Гитлера был произведен в полковники и награжден рыцарским крестом. Да, а все офицеры-немцы, которых упоминал в своих донесениях «Шернхорн», тоже были повышены в званиях.

Ну и самое интересное: группой немецких радистов, которые вели нашу радиогру, руководил... Рудольф Абель!

Последняя радиограмма, полученная 5 мая 1945 года нашими «окруженцами», гласила: «Мы капитулируем. Спасибо вам за все! Да поможет вам Бог!»

Все это докладывалось верховному руководству. Есть даже документ с резолюцией Молотова: «Молодцы, чекисты!»

Вот вам цена «дезы».

...Но однажды мне приказали, чтобы я всю переписку по радиограммам передал военной контрразведке «СМЕРШ». Правда, была и оговорка: «кроме дела «Монастырь» и «Березино».

Приказ есть приказ! Я передал все, что нужно было. Но Абакумов, тогдашний глава «СМЕРШа», очень хотел заполучить все. Мы с ним, как говорится, не сошлись в деталях. И, конечно, у нас напрочь испортились отношения. Когда он стал министром госбезопасности, то вызвал меня к себе и сказал: «Я с вами и Эitingоном работать не буду!» Я, правда, был этому несказанно рад. Я же все-таки был замом начальника Первого разведуправления...

ПОСТСКРИПТУМ

Тогда, в 1993-м, году я написал вот такую концовку.

«Сегодня, в раже отрицания всего, что было в 75-летней советской истории, некоторые докатились до того, что готовы посыпать голову пеплом даже за то, что у нас были плохие дороги и наши лютые морозы столько фашистов угробили...»

А сегодня, в июне 2023 года, я задаю вопрос: «А что за 30 лет поменялось в сознании нынешних «некоторых»?.. Ответ вы и без меня знаете!

Но есть главное: сейчас в ходе Специальной военной операции в ДНР действует батальон имени Павла Судоплатова.

В феврале этого года по Первому каналу ТВ был показан очень интересный сериал «Начальник разведки» — о выдающемся начальнике внешней разведки СССР П.М. Фитине, одним из важнейших сотрудников которого был П.А. Судоплатов.

В фильме действует агент «Гейне», названный Судоплатовым в интервью мне как «А.П.». Сегодня он известен как Александр Петрович Демьянов.

Судьба разведчика богата неожиданностями.

СПРАВКА ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ

Павел Анатольевич Судоплатов (7.07.1907–24.09.1996) — советский разведчик, сотрудник ОГПУ (позже НКВД-НКГБ), перед арестом — генерал-лейтенант объединенного МВД.

Во время Великой Отечественной войны возглавляя 4-е управление ГУГБ НКВД, участвовал в организации минирования стратегических объектов в период обороны Москвы, диверсионной деятельности против немецких войск на Кавказе, стратегических радиогрупп с немецкой разведкой.

Судоплатов непосредственно руководил деятельностью на оккупированной немецкими войсками Западной Украине группы Медведева, в отряде которого служил легендарный разведчик Николай Кузнецов.

После войны занимался получением информации о разработке атомной бомбы в США. В 1953 был репрессирован, осужден на 15 лет, полностью отбыл наказание и был реабилитирован лишь в 1992 году.

П.А. Судоплатов родился в Мелитополе в семье мельника. Учился в городской школе. В июне 1919 г. ушел из города вместе с полком Красной Армии, был воспитанником полка, участвовал в боях. Позже попал в плен, бежал, оказался в занятой белыми Одессе, где беспризорничал, подрабатывал в порту. После занятия города красными вновь вступил в РККА. С 1921 г. служил на канцелярских должностях в Особом отделе, потом — в губотделе ГПУ. С 1922 г. служил в погранвойсках. С 1923 г. — на комсомольской работе; в 1925 г. направлен на работу в ГПУ и через два года стал оперативным работником.

В 1928–1930 гг. учился на рабфаке ГПУ. В 1932 г. переезд в Москву — назначение сотрудником центрального аппарата ОГПУ, с 1933 г. работал в Иностранном отделе. Нелегальная разведка в нескольких европейских странах. В мае 1938 г. по личному приказу Сталина лично убил лидера украинских националистов Коновальца.

После ареста руководителей разведки с 6 ноября по 2 декабря 1938 года исполнял обязанности начальника внешней разведки. После череды репрессий и расправы над Ежовым и его замены Берией Судоплатова назначают в 1939 году заместителем начальника отдела ГУГБ НКВД СССР, с февраля 1941 г. — заместителем начальника 1-го (Разведывательно-го) управления НКВД СССР.

После войны возглавлял отдел «Ф», потом Бюро №1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей. После смерти Сталина П.А. Судоплатов был назначен зам. начальника ПГУ (ныне — СВР РФ), с мая 1953 г. начальник 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР. После ареста Берии отдел был расформирован, а 21 августа 1953 г. генерал-лейтенант П.А. Судоплатов был арестован как «пособник Берии» по обвинению в заговоре и до 1958 г. находился под следствием. Виновного себя не признал. В сентябре 1958 г. осужден на 15 лет лишения свободы, отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

Освободившись в 1968 году, П.А. Судоплатов занялся литературной деятельностью. Активно участвовал в ветеранском движении. Более 20 лет боролся за свою реабилитацию, которая состоялась в январе 1992 г. Незадолго до смерти в соавторстве с сыном, историком спецслужб, профессором МГУ Анатолием Судоплатовым (1944–2005) опубликовал книгу воспоминаний «Разведка и Кремль», ставшую международным бестселлером. Через полгода после его смерти вышла в свет книга «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы».

Реабилитировали генерала «в связи с открывшимися новыми обстоятельствами» лишь в 1992 году. В 1998 году ему вернули государственные награды, но до этого он уже не дождался. Павел Анатольевич Судоплатов в 1996 году упокоился на старинном кладбище Донского монастыря, где рядом с ним похоронены его соратники — легенды мировой разведки Рудольф Абель (Вильям Фишер), Конан Молодой, Иосиф Григулевич и Шамиль Хамзин.

Награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, знак «Заслуженный работник НКВД», медали.

